

A detailed oil painting of a man with dark, wavy hair and light-colored eyes, looking directly at the viewer. He has a slight stubble and is wearing a brown leather jacket over a dark grey scarf. The background is a textured blue.

Борис Бризантный

Гений без пьедестала .

18+

Борис Бризантный
Гений без пьедестала .

«Автор»

2026

Бризантный Б. А.

Гений без пьедестала . / Б. А. Бризантный — «Автор», 2026

Цикл «Гений без пьедестала» Германа Бризантного — честные портреты людей, менявших мир вопреки обстоятельствам. В трёх романах раскрываются судьбы Михаила Чехова, Софьи Ковалевской и Сергея Курёхина — тех, кто не вписывался в рамки эпохи. Чехов искал внутреннюю правду в искусстве и боролся с ограничениями систем; Ковалевская ломала барьеры предрассудков, совмещая научные прорывы с тяжёлой личной ценой; Курёхин превращал искусство в дерзкую игру с реальностью, сохраняя верность себе. Цикл показывает гениальность не как безупречный пьедестал, а как болезненный процесс преодоления внешних барьеров и внутренних противоречий. Для ценителей правдивой биографической прозы и историй о смелости быть собой.

© Бризантный Б. А., 2026

© Автор, 2026

Борис Бризантный

Гений без пьедестала .

«Механика чуда»

Роман из цикла «Гений без пьедестала»

Глава 1. Пианино и трамвай

Ленинград, 1978.

Трамвай трясло так, будто он ехал не по рельсам, а по нервам города. Сергей сидел у окна, прижимая к груди папку с нотами, и смотрел, как серые дома мелькают, как кадры в сломанном кино. В папке лежали не только партитуры, но и вырезка из «Советской культуры» с заголовком «О дисциплине в искусстве». Он вырезал её специально — чтобы было что обсуждать с людьми, которые любят заголовки больше, чем музыку.

В тот день он опоздал на репетицию. Не из-за трамвая, а потому что остановился у витрины комиссионки и долго смотрел на старый граммофон. Ему казалось, что в этом предмете есть какая-то правильная неправильность: вещь, которая должна звучать, но уже не звучит, и оттого становится интереснее.

Когда он вошёл, все уже сидели в полутёмном подвале, где пахло пылью, клеем и надеждой. Кто-то играл на расстроенной гитаре, кто-то шептал про «новый звук», а барабанщик курил у батареи и жаловался, что у него нет палочек.

— Ты опять с философией? — спросил басист, увидев папку.

— Нет, — сказал Сергей. — Я с граммофоном. В голове.

И все вдруг замолчали. Потому что поняли: он не шутит.

— Объясни, — буркнул барабанщик, стряхивая пепел в пустую консервную банку.

— Представь, что мир — это граммофон, — начал Сергей, усаживаясь прямо на пол, не обращая внимания на пыль. — И пластинка крутится, но иголка всё время скачет. То по одной дорожке, то по другой. И каждый раз получается новая мелодия. Даже если это просто шум.

Басист хмыкнул:

— Красиво говоришь. Только нам бы ритм поймать.

— А ритм и есть в скачках, — спокойно ответил Сергей. — Главное — не пытаться сделать его правильным. Правильность — это когда пластинка застревает.

Кто-то из угла хихикнул:

— Ты сейчас как лектор на заводе. «О ритме в условиях социалистического производства».

Сергей улыбнулся:

— Пусть. Зато мы не будем играть, как в филармонии. Мы будем играть, как будто филармония играет в нас.

Глава 2. Кухня как студия

Квартиру на Петроградской, где собирались почти каждую неделю, хозяин гордо называл «лабораторией звука». На деле это была типичная ленинградская коммуналка: длинный коридор, в котором можно было заблудиться, кухня с газовой плитой, на которой одновременно кипели три чайника, и комната, где на полу лежали катушки с плёнкой, а на шкафу — чучело совы, купленное на барахолке за три рубля.

Именно здесь рождались первые идеи «Поп-механики». Не в красивых студиях, а среди разговоров о дефиците, споров о поэзии и звуков, которые никто не считал музыкой: скрипа половиц, гудения холодильника, чьего-то кашля, который вдруг становился ритмом.

Однажды Сергей попросил всех замолчать на минуту. В комнате повисла тишина, нарушаемая только тиканьем часов и далёким гудком электрички.

— Слышите? — прошептал он. — Это и есть наш оркестр.

Все переглянулись. Кто-то фыркнул, кто-то закатил глаза, но Сергей был серьёзен. Он достал магнитофон, нажал кнопку записи и начал медленно водить пальцем по краю стола, создавая тихий, протяжный звук. Потом добавил шёпот, потом — стук ложки по чашке. Через пять минут у него получился фрагмент, который звучал как что-то среднее между колыбельной и сигналом тревоги.

— Это будет вступление, — заявил он. — Называется «Утро в коммунальной квартире».

— Да это же просто шум! — возразил гитарист.

— Именно, — кивнул Сергей. — А музыка — это шум, которому мы дали смысл.

Глава 3. Идея из воздуха

Идеи у Курёхина не приходили «из ниоткуда». Они росли из стыков: из того, как скрипит дверь в коммуналке, как звучит объявление в метро, как спорят два пьяных инженера у ларька. Он умел слышать музыку там, где другие слышали только шум.

Однажды он записал на магнитофон звук дождя, стук колёс электрички и голос диктора, объявляющего остановки. Потом наложил сверху фрагмент из Баха и добавил крик чайки, которую он специально записал на берегу Финского залива, стоя по колено в ледяной воде. Получился трек, который никто не мог назвать ни роком, ни джазом, ни академической музыкой. Это была «Поп-механика» в зародыше — не жанр, а способ смотреть на мир.

Он говорил друзьям:

— Музыка — это не про ноты. Это про то, как ты собираешь реальность. Как будто ты стоишь на перекрёстке, и с каждой стороны к тебе летит по куску мира. И ты должен их поймать и сложить так, чтобы получилось не «как правильно», а «как живо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.